

О РЕФЕРЕНЦИИ, МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ И НАВЕДЕНИИ МОСТОВ

М.В. Фаликман

maria.falikman@gmail.com

Я точно помню день, когда мы познакомились с Андреем Кибриком: это было ровно двадцать лет назад, 11 апреля 2003 года, когда на факультете психологии МГУ, где я тогда работала, собрались организаторы первой в России Интернет-конференции по когнитивной науке (нет-нет, никаких видеотехнологий, исключительно текстовое общение на форуме). Большинство участников той встречи я знала и раньше: разумеется, мы были давно знакомы с профессорами факультета психологии МГУ Т.В. Ахутиной и А.Н. Гусевым и уже успели познакомиться с профессором Казанского университета В.Д. Соловьевым. Но Андрея Александровича — автора доклада с самым, пожалуй, междисциплинарным названием «Референция и рабочая память: о взаимодействии лингвистики с психологией и когнитивной наукой» — я увидела впервые. На той же встрече было принято решение о проведении первой очной конференции по когнитивной науке в Казани. Конференцию в дальнейшем ждали Петербург, Москва, Томск и Калининград, Андрея Александровича — скорое присуждение учёной степени доктора наук, президентство в Межрегиональной ассоциации когнитивных исследований и пост директора Института языкознания РАН, а знакомство наше с тех пор не прерывалось. Вероятно, впоследствии этому способствовала и моя работа на кафедре теоретической и прикладной лингвистики МГУ, куда меня в 2011 году принял на работу Александр Евгеньевич Кибрик, и где Андрей Александрович преподавал и активно участвовал в жизни кафедры и всего отделения теоретической и прикладной лингвистики. Именно он совместно с О.В. Фёдоровой способствовал созданию первого в университете Центра когнитивных исследований на филологическом факультете МГУ. Мы стали пересекаться на заседаниях кафедры, на семинарах и конференциях, обсуждать студенческие дипломные работы, обнаруживая общие интересы. Но не менее важным кажется мне наше общее стремление наводить мосты между науками о человеческом познании и языке.

Я в то время много размышляла о формах и стратегиях междисциплинарного взаимодействия, и когнитивная модель референциального выбора А.А. Кибрика казалась мне потенциально плодотворной в плане по-настоящему междисциплинарных экспериментальных исследований. Согласно выдвинутой им гипотезе, которая впоследствии нашла отражение в монографии «Reference in Discourse», вышедшей в издательстве Оксфордского университета, выбор референта в ситуации референциального конфликта (допустим, «Карлсон увидел, что Малыш отвернулся. Он тайком взял ватрушку, потом ещё одну») определяется при прочих равных тем, какой из потенциальных референтов наиболее активирован в рабочей памяти. Рабочая память — конструкт не лингвистический, а чисто психологический, описывающий способность человека в течение короткого времени удерживать в голове информацию, требуемую для решения текущих задач, а также при необходимости преобразовывать эту информацию. Но если эта гипотеза верна, то можно разными способами влиять на степень активации референта в рабочей памяти и фиксировать эффекты референциального выбора. У когнитивных психологов есть две разновидности таких способов: влияние «снизу вверх», за счёт перцептивного выделения референта (например, его яркостных характеристик или особенностей шрифта, если речь идёт о зрительно предъявляемом тексте), и влияние «сверху вниз», например, за счёт одновременного контекста (так, активировать референт «Карлсон» можно посредством одновременного с ним предъявления на периферии поля зрения слова «пропеллер», которое может даже не осознаваться человеком, участвующим в эксперименте). Впрочем, собственная идея Андрея Александровича, которая заключалась в том, чтобы смоделировать различия в степени активации референта в рабочей памяти на искусственных нейронных сетях, на тот момент времени была новаторской и для российской лингвистики, и для когнитивной науки в целом.

В марте 2005 года Андрей Александрович выступил на Московском семинаре по когнитивной науке, который мы на протяжении пятнадцати лет организовывали с Е.В. Печенковой, с обзорной лекцией «Функционирование языка: когнитивный анализ дискурса», где свёл в общую картину такие требующие междисциплинарного подхода языковые явления, как референциальный выбор, выбор подлежащего и использование жестов, сопровождающих речь. Анализ жестов и русский мультимедийный дискурс с тех пор стали для него одной из центральных научных проблем. А Московский семинар по когнитивной науке оказался востребованной площадкой для междисциплинарных дискуссий, в развитие которой Андрей Александрович внёс ощутимый вклад, принимая деятельное участие в заседаниях семинара. В дальнейшем на базе семинара стараниями Е.В. Печенковой выросли регулярная междисциплинарная конференция стендовых докладов «Когнитивная

наука в Москве: новые исследования» и «Российский журнал когнитивной науки», причём Андрей Александрович вошёл как в программный комитет конференции, так и в редколлегию журнала.

Жизнь между тем подкидывала всё новые переплетения. Дочь Андрея Александровича Аня поступила на факультет психологии, и я даже вела у неё занятия по общей психологии, а потом наблюдала, как она превращается в профессионального детского нейропсихолога, тоже не чуждого междисциплинарных проблем. Позже мы с Аней вместе поучаствовали в переводе на русский язык книги современного классика эволюционной психологии Майкла Томаселло «Истоки человеческого общения», где затрагиваются, в числе прочего, проблемы эволюции языка. А в какой-то момент, ещё в первые годы знакомства, мы с семейством Кибриков даже породнились котами. Хорошо помню, как увозила котёнка за пазухой со станции метро «Спортивная», и рыжий полосатый кот из хорошей академической семьи, как его традиционно представляли гостям, прожил у моих родителей долгую кошачью жизнь.

Почти одновременно мы с Андреем Александровичем ступили на административную стезю: существенно более скромную в моём случае и ощутимо более напряжённую и требовательную в его. Насколько беспокойным хозяйством оказался Институт языкознания РАН, я почувствовала, когда Андрей Александрович пригласил меня поговорить о возможном сотрудничестве и взаимодействии вскоре после назначения его директором института. О каких конкретно формах сотрудничества мы разговаривали, сидя у него в кабинете, я уже не вспомню, но одна деталь прочно засела в голове: в какой-то момент он с ноткой отчаяния в голосе, но вместе с тем и со знанием дела заговорил о протекающей крыше института — и вот тут-то я осознала весь масштаб задачи, которая перед ним стояла. Очень радостно убеждаться вновь и вновь, что эта роль рулевого оказалась для него сподручной и открыла новые возможности как для института, так и для него самого. И здесь, на мой взгляд, особое значение приобретают междисциплинарные интересы Андрея Александровича, с которых я начала свою зарисовку. Когда у исследователя есть привычка смотреть на любую научную проблему, как локальную, так и максимально общую, с принципиально разных точек зрения, понимая, какие специалисты могли бы внести вклад в её решение и какие ещё аспекты можно выделить у этой проблемы, и есть умение наводить мосты даже между далеко отстоящими друг от друга дисциплинами, горизонты научного познания и сотрудничества существенно расширяются. И мне представляется, что у Института языкознания благодаря этому есть все шансы стать новым средоточием междисциплинарных исследований языка.